

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, 11.

1890.

Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазръцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіею.

Прилагаемыя при семъ сказки и легенды всё писаны со словъ разныхъ Лопарей при помощи переводчика. При этомъ нужно замѣтить, что не рѣдко одно и то же лицо рассказываетъ одну и ту же сказку различно. При рассказываніи сказокъ замѣчено было недовѣріе какое-то. Кромѣ этого Лопари нынѣ имѣютъ болѣе или менѣе частыя сношенія съ Русскими сказки и нѣкоторыя кажется, Лопарями получены отъ нихъ. Слушая сказки нѣсколько разъ и желая передать рассказъ болѣе или менѣе въ правильномъ видѣ, я, по мѣрѣ возможности, старался сохранить вѣрный смыслъ или суть дѣла сказки. Иначе при первомъ опытѣ сдѣлать ничего не возможно, потому что послѣ рассказа на лопарскомъ языкѣ переводчики передавали только мысли. Вотъ изъ мыслей-то и приходилось составлять сказанія и сказки болѣе или менѣе цѣльныя. Нѣкоторыя мысли рассказчики и сами переводили, и тѣ записаны ближе къ подлиннику. Въ немногихъ мѣстахъ послѣ русскаго переводчика

я записалъ фразы и на лопарскомъ языкѣ. Въ семъ случаѣ дѣлалъ такъ: сперва писалъ по русски, послѣ ставилъ тире—и писалъ уже фразы на лопарскомъ языкѣ русскими буквами и для болшей очевидности, какъ фразы, такъ и слова лопарскія подчеркивалъ.

Не могу еще молчаніемъ пройти и того, почему я приступилъ къ собранію сказокъ. Нѣкоторые говорили, что въ средѣ Лопарей, какъ нѣтъ трагическихъ такъ поэту нѣтъ и сказокъ. Въ слѣдствіе этого въ свободное время я сталъ записывать ихъ. Сказокъ слышалъ я гораздо больше, но другихъ не записывать потому, что онѣ русскаго происхожденія. И въ прилагаемыхъ при семъ сказки: медведь, медвѣдь, волкъ и горностаѣ, старикъ и старуха, замѣтно, передѣланы. Последняя, нужно сказать, передѣлана удачно и, кажется, изъ сказки о рыбахъ и рыбахъ.

Въ сказкахъ еще часто приведется читать, что люди дѣлались каменными. Въ Лапландіи, дѣйствительно, говорятъ, есть каменная баба и одна, между прочимъ, находится, какъ мнѣ сказывалъ одинъ Пазръцкій Лопарь, на тундрѣ между Пазрвою и Печеньгою. Онъ видѣлъ ее годовъ 20 назадъ, и она стоитъ не на самомъ верху тундры, но немного ниже. Вышиною каменная баба будетъ поболье аршина. Она стоитъ на не очень большомъ камнѣ. Правая рука положена поперекъ груди, а лѣвая опущена. Камень не черный, а сѣроватый. Спросилъ я у него, можетъ ли онъ показать? Онъ отвѣчалъ мнѣ: я думаю, не найти, потому что я одинъ разъ видѣлъ и даже удивился. Бюсты эти надобно полагать были прежде идолами.

Нойды—кебуны до принятія христіанства дѣйствительно имѣли большое значеніе, это видно и изъ житія преподобнаго Трифона, который не мало терпѣлъ за нихъ и былъ даже терзаемъ ими. Нойдами, одинъ умершій Лопарь рассказывалъ мнѣ, дѣлались люди самъ добровольно. По смерти нойды, дьяволы или какое-то злое дѣло называлъ ихъ Лопарь, приходили ночью и давались обѣщанья дѣлать все, что онъ прикажетъ. У меня были, онъ сказалъ, одинъ разъ, но я не сказалъ, что не принимаю, то они болѣе и не являлись. Лопари про Шветовъ и Финландцевъ тундрѣ и теперь, что у нихъ таковыхъ много, и поэтому при всей ненависти и проклятіи имъ, на глазахъ уважаютъ ихъ изъ боязни. За недомолвки или забыванія бытъ мнѣ

опущенія прошу не поставитъ на видъ, ибо было трудно и даже невозможно, потому что и перевесть, по всей вѣроятности, не каждое слово и даже мысль могли правильно. Записалъ же ихъ собственно для того, чтобы онѣ не затерялись или болѣе не исказились бы.

Константинъ Щеколдинъ, Пазрѣцкаго прихода священникъ. 20 Августа 1887 г.

Лопарскія сказки.

1) Кускасъ (Сѣверное сіяніе).

Жиль-быль старикъ со старухою и имѣли они только одну дочь. Старикъ жилъ не богато и разъ пошолъ въ лѣсъ драть береста—скалы. Подошелъ онъ къ березѣ и сталъ снимать бересто. Въ это время откуда не возьмись съ березы соскочила ацакъ—лягушка и сказала ему: *Каллесъ! вальдъ му каонъ*—Старикъ возьми меня замужъ. *Мохтъ монъ вальдамъ ту. Мусте м кавъ сарнъ каллесъ*—Какъ я тебя возму. У меня есть жена—сказалъ старикъ.

Лягушка не сказала болѣе ни слова, вскочила на березу и скрылась.

Старикъ послѣ этого испугался. Пошолъ отъ той березы прочь и пришолъ къ другой.

Здѣсь опять предъ нимъ явилась лягушка и сказала: Старикъ, возьми меня за мужъ.

Куда мнѣ съ тобой, голубушка, да у меня есть и старуха. Нѣтъ, мнѣ на старость довольно и одной,—отвѣтилъ ей старикъ.

Лягушка выслушала его и опять вскочила на березу и скрылась.

Старикъ послѣ этого не зналъ, что дѣлать: идти-ли домой безъ береста, или еще идти къ другимъ березамъ.

Рѣшился на послѣднее, чтобы не посмѣялись надъ нимъ, какъ бы надъ дуракомъ.

Въ этотъ разъ онъ ушелъ отъ этихъ березъ далѣе, думая, что тамъ онъ сниметъ береста. Подошолъ онъ къ красивой и ерѣпкой березѣ. Сдѣлалъ на берестѣ надрѣзъ. Опять только—откуда ни возьмись—съ березы соскочила лягушка и сказала: Старикъ возьми меня замужъ.

Ахъ, голубушка, это я слышалъ уже отъ двухъ, и отвѣтилъ имъ, что у меня есть жена. Тебѣ то же скажу: у меня есть старуха, довольно мнѣ и одной, да и что ты у меня будешь дѣлать, отвѣтилъ—старикъ.

Старикъ! если ты меня не возьмешь, тебѣ тогда будетъ худо и смерти не миновать. У меня есть ножницы,—*Скарри*. Я какъ разъ уколю ими тебя, будетъ тогда двѣ раны на твоёмъ тѣлѣ; другой—будетъ четыре, а третій—будетъ шесть. Ты тогда изойдешь весь кровью, и мясо твое я съѣмъ.

Старикъ стоялъ въ это время ни живъ, ни мертвъ: умереть не хотѣлось, и онъ сказалъ: Дѣлать нечего! Пусть будетъ по твоему, только я тебѣ сдѣлаю другую вежу и буду приходить каждый день нѣсколько разъ.

Лягушка согласилась, и они пошли. Сдѣлалъ старикъ ей вежу и зажилъ такъ же, какъ и ранѣе. Къ лягушкѣ ходилъ и дѣлалъ, что она ему приказывала. Ровно черезъ годъ у ней родилось два сына и одна дочь. Дали имъ имена: первому сыну *Веррунъ-чулдъ*—тесанный пень, другому—*Ихтъ-Сяпаластъ*—олений хомутъ и дочери *Кядзамъ-Чалмъ*—остроглазка.

На первых порахъ и послѣ этого они жили хорошо и согласно, но когда стали у лягушки дѣти большія, она стала требовать пищи. Старикъ между тѣмъ сдѣлался старъ, и приводилось иногда поэтому лягушкѣ—женѣ въ просьбахъ отказывать.

Разъ дѣти, наученныя матерью, пришли къ старику и сказали: *Есць! удѣ миги пуратъ*—Батюшко! давай намъ и матери ѣсть, а нѣтъ—она придетъ съ нами сама и тебя съѣсть.

Дѣточки, чего я вамъ дамъ! Я сталъ старъ и самъ питаюсь почти только бѣлымъ мохомъ. Вотъ еще иногда принесетъ дочь рыбы, поѣмъ, а нѣтъ—хотя умирай съ голоду.

Выслушавъ это, дѣти лягушки убѣжали и пересказали все матери. Лягушка, ни мало не медля, взяла дѣтей и пошла къ старику. Зашли они въ вежу, убили старика, высосали сперва изъ него кровь, а послѣ съѣли и мясо. Старуха съ дочерью въ это время плакали, но горю пособить не могли. Когда лягушка съ дѣтьми наблась, они ушли домой.

По уходѣ ихъ старуха и сказала дочери: Знаю, что они скоро съѣдятъ и меня. И вотъ, когда придетъ это время, ты сдѣлай такъ: когда они будутъ ѣсть меня, ты въ то время собирай всѣ мои косточки въ мѣшокъ и считай ихъ. Всѣхъ ты положишь 99 косточекъ, но нужно будетъ, чтобы было сто. Ты послѣ этого Остроглазку ударь въ спину, и у ней изо рта упадетъ кость. Ты возьми и эту. Положи въ мѣшочекъ и бѣги отъ нихъ скорѣе прочь. Когда придешь ты до лужка, у котораго течетъ рѣчка; на лужокъ косточки положи въ одно мѣсто и ударь по нимъ сучкомъ березовымъ три раза, и предъ тобою явится избушка. Тутъ ты и живи. На случай нужды вотъ возьми эту сонную спичку—*наеръ сани*. Не забудь моего совѣта, и тогда будешь счастлива. Старуха съ дочерью послѣ этого опять стали жить. Не долго имъ только привелось. Вскорѣ опять дѣти лягушки пришли къ нимъ и сказали: Бабка, давай ѣсть, а нѣтъ—мать придетъ съ нами и тебя съѣсть.

Что я вамъ дамъ, отвѣтила старуха. Былъ у меня кормилецъ, но вы его отняли. Мнѣ теперь не жалко и себя. Что хотите, то и дѣлайте со мною.

Услышавъ это, они побѣжали обратно къ матери и сказали. Лягушка взяла дѣтей и пришла къ старухѣ и сказала: Ты такая же злая, какъ и мужъ; по этому не осуди. Всѣ подошли къ ней въ это время и убили. Кровь сначала выпили изъ ней, а послѣ стали ѣсть и мясо. Дочь въ это время со слезами на глазахъ подбирала косточки незамѣтно и складывала въ мѣшокъ. Всѣхъ косточекъ она насчитала 99 и послѣ этого незамѣтно ударила Остроглазку по спинѣ, какъ бы нечаянно толкнула, и косточка выпала изо рта. Она подобрала и положила въ мѣшокъ, а Остроглазка въ это время сказала ей: Ты еще меня тронешь, это ничего. Придетъ очередь и до твоего мяса, тогда я полакомлюсь. Дочь старухи между тѣмъ въ это время вышла и пошла скорѣе въ лѣсъ, чтобъ ея не удержали. Сперва она бѣжала безъ дороги, а послѣ нашла и дорогу. Лягушка между тѣмъ, когда съѣли старуху, спросила у дѣтей: *костъ ли алка нійдъ?* гдѣ бабкина дочь? Стали смотреть вездѣ, но нигдѣ нѣтъ. Принялись искать около вежи, но и тутъ не нашли. Лягушка поворчала на дѣтей, но отъ этого пользы не было. Недолго думая послѣ этого, рѣшились и они идти въ лѣсъ и искать бабушкину дочь.

Дѣвушка въ это время добѣжала до лужка, который былъ у рѣчки, высыпала косточки, ударила по нимъ березовымъ сучкомъ, и передъ нею предстала хорошая избушка, со всякимъ добромъ. Сейчасъ она вошла въ избу и стала жить, не чувствуя ни въ чемъ недостатка.

Лягушка съ дѣтьми ходила, ходила по лѣсамъ и, наконецъ, она пришла къ избушкѣ. Увидавъ житъе, она сказала: здѣсь, я думаю, живетъ бабья дочь.

Нужно узнать, каково она живетъ. Всѣмъ она, быть можетъ, не покажется; завтра поэтому утромъ ты, *Веррунг-чулдъ*, поди и попросись у ней, какъ будто-бы прохожій, отдохнуть.

Ночь проспали они въ лѣсу, а утромъ *Веррунъ-чулдъ* пришолъ къ избушкѣ и постучалъ.

Двери отворились, и онъ сказалъ: Голубушка, будь добра, дозвожь мнѣ съ дороги отдохнуть у тебя въ хатѣ.

Много-ли васъ всѣхъ? спросила она.

Я одинъ только. У меня были товарищи, но они ушли далѣе.

Дѣвушка пригласила его въ избу и не показала виду, что его знаетъ, хотя давно увидѣла, что они всѣ вчера еще пришли.

Она напоила его, накормила, приготовила для отдыха постель и сказала: Ложись спать, а я у тебя поищу въ головѣ. *Веррунъ-чулдъ* легъ, и она стала гребнемъ чесать и искать вшей. Въ то время сама сонною спичкою уколола ему глаза и уши, и онъ послѣ ничего не увидѣлъ и не услышалъ. Сама дѣвушка въ это время вышивала серебромъ и золотомъ поясъ и играла съ солнцемъ. Наступилъ вечеръ. Она подошла къ *Веррунъ-чулду* и разбудила. «Время вставать и идти, потому что на ночь въ комнатѣ у себя я никого не оставляю.» Сынъ лягушки всталъ, поблагодарилъ ее и ушелъ.

Пришелъ къ матери и сказалъ: Бабкина дочь живетъ хорошо и очень добра. Она меня напоила, накормила и спать уложила и въ головѣ поискала. А что она дѣлала?—спросила мать. Я спалъ и ничего не видѣлъ. Мать осерчала на него и едва не поколотила. Она сказала: дали тебѣ имя тесанный пенъ и вполне справедливо. Завтра поди ты, *Ихтъ-сяпаластъ*.

Утромъ пошолъ къ избушкѣ и второй сынъ. Его также хозяйка приняла и также спровадила обратно. Мать, увидѣвъ его, спросила, что бабкина дочь дѣлала? «Я спалъ, и ничего не видѣлъ.» Мать разсердилась и на него и сказала: «Отъ васъ, отъ обоихъ нечего дожидать добра. Одинъ пенъ—пнемъ и останется, а другой хомутъ—хомутомъ и будетъ.»

«Завтра поди ты еще, *Кыдымъ-чолмашъ*,—сказала она дочери—надѣюсь, что ты скажешь мнѣ, чѣмъ занимается бабушкина дочь.»

Утромъ рано *Кыдымъ-чолмашъ*—Остроглазка пошла къ бабкиной дочери. Остроглазку она напоила, накормила и уложила спать, и стала искать въ головѣ. Въ это время она, какъ бы не нарочно, уколола глаза и уши. Остроглазка не стала слышать и видѣть; впрочемъ она не видѣла только глазами, которые на лицѣ, а глазами другими, которые были на затылкѣ, она видѣла все. Такъ она видѣла, что бабкина дочь ѣла сладкія ягоды и пила сладкій медъ. Послѣ сѣла она вышивать поясъ серебромъ и золотомъ; въ то же время играла и съ солнцемъ. Остроглазкѣ очень хотѣлось встать и посмотреть хорошенько, но сонъ, наведенный спичкою, никакъ не позволялъ. Она спала до вечера, когда опять ей бабкина дочь и сказала: «Время вставать и идти къ матери. Она тебя дожидаетъ и уже нѣсколько разъ выходила изъ лѣсу и смотрѣла, нейдешь ли ты?»

«Нѣтъ, голубушка, у меня матери нѣтъ, я одна одинешенька и осталась бы съ тобою жить, если бы ты взяла.»

«Нѣтъ, голубушка, я живу одна и дала себѣ слово никогда никого не брать. Остроглазка поблагодарила ее и ушла. Пришла она къ матери и сказала: Бабкина дочь живетъ, какъ царица. Кушанья и питья у ней всякаго довольно. Солнце съ нею играетъ, а она въ то время вышиваетъ поясъ серебромъ и золотомъ. У ней есть какая-то еще спичка. Она коснулась ею моихъ глазъ переднихъ и ушей; я послѣ этого не увидѣла и не услышала. Къ счастью, она у меня не замѣтила заднихъ глазъ, и потому я видѣла.»

«Благодарю тебя, что ты, по крайней мѣрѣ, рассказала все, чѣмъ занимается бабкина дочь. За твою услугу послѣ смерти ея отдамъ я тебѣ домъ ея и все богатство.»

«Къ слѣдующему дню она велѣла всѣмъ своимъ дѣтямъ приготовиться идти къ бабкиной дочери:» «Тогда мы сдѣлаемъ съ нею, что придетъ на умъ.»

Бабкина дочь это узнала ранѣе. Она поэтому поясъ положила около себя, а также и сонную спичку. Кромѣ того, въ косу себѣ положила на случай нужды маленькій ножичекъ.

Едва наступило утро, какъ лягушка со своими дѣтьми пришли къ избушкѣ и двери выломали силою. Не говоря ни слова съ хозяйкой, связали ей руки и ноги и зашили въ нерпичью шкуру. Сыновья послѣ этого по приказу матери понесли къ морю и тамъ бросили въ воду. Лягушка съ дочерью шли сзади и разговаривали о томъ, что они будутъ теперь жить лучше и богаче бабкиной дочери. Остроглазка въ это время оглянулась назадъ и сказала: Мама! мама! посмотри: избы-то бабкиной дочери не стало. Не бросайте ее въ морѣ, лучше будемъ жить вмѣстѣ.

«Поздно!—отвѣтила мать. Она уже плыветъ далеко и теперь, вѣроятно, умерла.» Поговорили они еще нѣсколько времени, но поправить своей ошибки не могли. Пошли ходить по лѣсамъ и теперь, вѣроятно, ходятъ, если не умерли.

Бабкину дочь между тѣмъ несло по морю и теченіемъ воды, при помощи вѣтра, выбросило на берегъ. Дѣвушка, когда почувствовала подъ собою землю, достала изъ косы ножичекъ, сдѣлала дыру въ кожѣ, чтобы можно было выйти. Вышла она на берегъ и пошла странствовать на—удачу. Питалась она дорогою ягодами, а въ маленькихъ озерахъ доставала и рыбу. Долго она ходила и никого не видѣла. Наконецъ, она подумала, что ей уже никогда не увидѣть людей, полагая, что она находится на краю свѣта. Къ счастью, она вышла на тропинку и пошла по ней въ надеждѣ, что она приведетъ ее къ жилью. Не успѣла она этого хорошенько подумать, какъ предъ собою увидѣла большой домъ. Нѣсколько разъ она обошла его кругомъ, но людей не увидѣла никого, ни около дома, ни въ домѣ. Ей стало неловко. Дѣлать однако было нечего. Она пошла къ дверямъ и отворила. Въ это время она испугалась еще болѣе. Въ домѣ вездѣ стояла кровь—*зырръ*, какъ будто въ какомъ-нибудь озерѣ. Она не знала, что и дѣлать: остаться-ли тутъ, или идти далѣе. Рѣшилась, наконецъ, на послѣднее, потому что, подумала, все равно умирать или здѣсь, или въ лѣсу. Принявъ намѣреніе остаться, она стала ведрами черпать кровь и носить въ сторону. Два раза она выносила кровь, но домъ опять былъ полонъ крови; наконецъ, не стало. Она взяла воды и вездѣ вымыла и все вычистила. Въ комнатахъ стало красиво. Она сѣла отдохнуть и подумала: чего я теперь поѣмъ. Въ это время на верху у комелька увидѣла рѣзки—хлѣбъ, взяла одну, отломала кусокъ и наѣлась. Остатки положила на старое мѣсто. На душѣ у ней было тяжело, потому что она предугадывала, что изба принадлежитъ людямъ, истекшимъ кровью или умершимъ насильственной смертью. Они, думала она, приходятъ сюда по ночамъ и рѣжутся, отъ того и на небѣ видны всполохи, или сѣверное сіяніе. Ей однако хотѣлось посмотрѣть на жильцовъ, и она рѣшилась обратиться въ веретено; тогда мнѣ, подумала она, не могутъ сдѣлать ничего худого. Какъ думала, такъ и сдѣлала. Ложась за комелекъ, она превратилась въ веретено. Ночь прошла спокойно. Наступилъ день, и вдругъ она услышала, что идутъ люди. Въ избу вошло нѣсколько человѣкъ и сказали: Здѣсь кто-то былъ и все вычистилъ, а между тѣмъ никого не видно; это удивительно. Всѣ взяли по рѣзкѣ—хлѣба и вышли, сказавъ Найнасу: Отъ твоей рѣзки—хлѣба начато ѣсть; значитъ, этотъ человѣкъ тебѣ родня. Найнасъ при нихъ ничего не сказалъ, а когда они ушли, спросилъ: «Кто здѣсь есть, покажись: если старикъ, мнѣ будешь отецъ, если старуха—мать, если въ моихъ лѣтахъ мущина—братъ, а женщина—сестра, а если красная дѣвица—будешь мнѣ женою.» Едва онъ выговорилъ послѣднія слова, какъ веретено выскочило изъ-за комелька на полъ и стало вертѣться. Найнасъ поднялъ его, переломилъ, и въ срединѣ очутилась дѣвица. Онъ обнялъ ее и сказалъ: «Красавица, съ этого времени ты будешь моею женою. Жаль только, что тебѣ болѣе здѣсь остаться нельзя, особенно ночью. Лишь только стаетъ темнѣть, сюда соберутся всѣ убитые люди и будутъ между собою рѣзаться; поэтому могутъ и тебя зарѣзать, или, еще хуже, всполохи унесутъ высоко, высоко. Пойдемъ со мною, я провожу тебя къ своей матери.» Вывелъ ее на дорогу и далъ клубокъ нитокъ, говоря: «Какъ я отойду

отъ тебя, брось клубокъ на дорогу и, куда онъ покатится, туда поди и ты. Назадъ, въ верхъ и по сторонамъ не смотри, а только на клубокъ, въ противномъ случаѣ тебя возьмутъ ¹⁾ всполохи—сѣверное сіяніе. Клубокъ приведетъ тебя къ рѣкѣ. На другой сторонѣ живетъ моя мать, и ты вскричи, чтобы она перевезла тебя въ томъ карбасѣ, который дѣлалъ Найнасъ. Съ прїѣздомъ матери, спроси у ней, на которомъ упругѣ порѣзался Найнасъ, на тотъ и садись. Матери съ тобою не жить, и поэтому сдѣлай для себя и для меня вежу. Я часто буду къ тебѣ ходить, и жизнь пойдетъ у насъ весело. «Простившись любезно, они разстались. Жена Найнаса по сказанному пошла, какъ по писанному. Вечеромъ всполохи, сѣверное сіяніе—заиграло на небѣ очень сильно и опустилось почти надъ самою головою странницы. Всполохи играли надъ головою со свистомъ и пѣли пѣсни: «вотъ идетъ Найнаса жена, но скоро возьметъ ее солнце.» Всполохи жгли ей и лицо, но на все это она не обращала вниманія, а смотрѣла только на клубокъ. Утромъ пришла она къ рѣкѣ и вскричала: «Матушка, будь добра, перевези меня въ томъ карбасѣ, который работалъ сынъ твой Найнасъ.» «Вскричала она раза три, и за ней прїѣхала свекровь и сказала: «Лучше бы ты не вспоминала мнѣ сына Найнаса: я уже и безъ напоминанія объ немъ вся съ горя высохла и посѣдѣла.» Ты своими словами еще увеличиваешь мою горестъ.»

«Матушка! будь добра и выслушай меня. Меня такъ научилъ сынъ твой Найнасъ, а теперь мой любезный мужъ. Онъ сказалъ еще мнѣ, чтобы я спросила, на которомъ упругѣ онъ порѣзался въ этомъ карбасѣ, на томъ я должна и переѣхать.» Свекровь указала ей средній упругъ и они переѣхали. Въ тотъ же день она сдѣлала вежу и стала въ ней жить. Черезъ нѣсколько времени пришолъ и Найнасъ и сказалъ: «Одну ночь сегодня я проведу здѣсь, но утромъ мнѣ нужно идти.» Женѣ отпустить его скоро не хотѣлось, потому что она уже нажилась одна, и вотъ, когда они легли спать и онъ уснулъ, она въ верху въ своей вежи подвѣсила свой серебряный поясъ. Наступило утро, и Найнасъ проснулся, сказалъ: «Теперь, я думаю, уже утро, пора мнѣ идти.»—«Нѣтъ, до утра еще долго. Посмотри на верхъ, какъ звѣзды еще блестятъ и свѣтятъ.» Найнасъ посмотрѣлъ и опять заснулъ, потому что онъ не зналъ, что въ верху подвѣшенъ поясъ со звѣздами. Такъ онъ просыпался до трехъ разъ, и каждый разъ его обманывали.

Къ несчастію, когда онъ проснулся въ третій разъ, мать закричала: «Невѣстка, возьми оленьи шкуры съ вежи, онъ всѣ пересохнутъ отъ солнца, и тогда мужъ уйдетъ отъ тебя.»

Свекровь вскричала это три раза, и невѣстка, чтобы не услышалъ Найнасъ, безъ платка съ распущенными волосами ²⁾ высунулась изъ дверей на улицу. Въ это время солнце захватило ее за волосы и стало держать. Она закричала: «Найнасъ, дай мнѣ воды, меня сожгло солнцъ.» Найнасъ держалъ ее въ это время за ноги и умеръ. До трехъ разъ она просила воды у мужа, но, какъ отъ мертваго, получить не могла; тогда, обратясь къ солнцу, сказала: «Солнышко, солнышко, помилуй меня и ороси водою.» Солнце оросило ее водою, но въ то же время и взяло ее къ себѣ. Тамъ она сдѣлалась его женою, и стали жить такъ весело и счастливо, какъ не живетъ никто.

Вскорѣ у жены солнца родилась красавица дочь. Пока она была маленькая, держали ее при себѣ и научили всему хорошему. Наконецъ дочь выросла и стала невѣстою. Солнце разъ и сказало матери: «Намъ болѣе дочери здѣсь держать нельзя, нужно опустить ее на землю, и пусть она найдетъ себѣ тамъ суженаго. Мать не противорѣчила, а дочери разстаться было очень тяжело. Дѣлать однако было нечего, она должна была подчиниться волѣ родительской.

Насталъ день прощанія. Солнце съ матерью благословили ее и сказали: «Кого перваго ты встрѣтишь на землѣ, тотъ будетъ твой суженый. Живите въ согласіи и любви: тогда у васъ всего будетъ довольно.» Какъ дочь у нихъ была мастерица

¹⁾ Лопари и теперь вѣрятъ, что, при сильномъ сѣверномъ сіяніи, всполохи опускаются внизъ и могутъ схватить человѣка. Дѣйствительно, когда бываетъ сильное сіяніе, то они какъ будто опускаются на землю. Съ колокольчикомъ ѣздить считаютъ опаснымъ въ это время.

²⁾ Теперь по этому Лопари никогда не выйдутъ съ открытою головою на улицу.

вышивать, дали ей еще шолву и сказали: «Приготовь три платка изъ него, продай, и денегъ за нихъ получишь довольно.» Солнце послѣ этого взяло свою дочь и перенесло ее на землю.

Долго, долго шла красная дѣвица и никого не встрѣтила. Наконецъ, увидѣла стадо оленей и при нихъ пастуха. Подошла къ нему и сказала: «Будь здоровъ и счастливъ, добрый человѣкъ.»

«Здравствуй, красотка, откуда идешь и далеко-ли? отвѣтилъ пастухъ.»

«Издалека мой путь лежитъ. Гдѣ я родилась, тамъ мнѣ сказали: поди и, кого встрѣтишь перваго, тотъ и будетъ твоимъ суженымъ мужемъ. Вотъ поэтому и прошу тебя, добрый человѣкъ, возьми меня себѣ женою,» — сказала она.

«Да, я радъ бы взять тебя, красавица, но чѣмъ будемъ мы кормиться? Теперь я съ трудомъ добываю и себѣ пропитаніе.»

«Предоставимъ это, добрый человѣкъ, волѣ Божіей. Родители мнѣ сказали еще: Богъ благословитъ вашъ союзъ, и вы будете счастливы.»

Пастухъ послѣ этого не противорѣчилъ, вступилъ съ нею въ бракъ, и они стали жить. Сначала она ходила съ нимъ и помогала ему пасти оленей. Жили они на хозяйскомъ дворѣ, а хлѣба давали только для одного человѣка. Имъ было маловато. Вотъ однажды ночью, когда мужъ спалъ, она вышила шолкомъ платокъ и послала мужа продавать. Платокъ былъ очень красивый и покупатель нашелся скоро. За него получили сто рублей. На другой недѣлѣ она приготовила другой платокъ, болѣе и красивѣе перваго. Продали и этотъ. Денегъ получили двѣсти рублей. Денегъ было довольно, и мужъ пересталъ быть пастухомъ. Они купили себѣ домъ, оленей и другого имущества и зажили на удивленіе другимъ. Въ это время приготовила жена и третій платокъ, очень большой и красивый. Продали его и денегъ получили 300 р. Послѣ этого они зажили лучше всѣхъ и многіе стали даже завидовать имъ. Нашлось много людей и такихъ, которые говорили, что у нихъ богатство добыто не честнымъ образомъ. Пока такъ говорили не въ глаза, это они переносили; но однажды бывшему пастуху сказали: «Какъ ты ни говори, что все нажилъ трудами своими, но это не правда. Вѣрниѣ всего, гдѣ нибудь похитилъ.»

Слова эти ему слышать было тяжело и особенно при народѣ, онъ поэтому и сказалъ: «Я получилъ все добро, благодаря ясолнцу. На солнце я могу даже и самъ подняться.» Народъ, услышавъ это, разсердился на него и сказалъ: «Завтра, если не исполнишь своего слова, мы убьемъ тебя.»

Пошелъ послѣ этого онъ къ своей женѣ и рассказалъ все. Женѣ это было непріятно, но мужа отъ смерти избавить было нужно. Она сказала ему: «Теперь ночь, а къ утру я что нибудь придумаю.» Едва началась заря, какъ жена сказала мужу: «Пойдемъ теперь на то мѣсто, гдѣ меня опустило солнце, и оттуда, быть можетъ, ты и сходишь.» Вышли они изъ погоста и увидѣли, что солнце гоняетъ на оленяхъ и ѣдетъ имъ на встрѣчу. Они подошли къ нему и рассказали про свое горе. Солнце подумало сперва, но потомъ сказало: «Садись на оленя и поѣдемъ.» Они уѣхали, а жена осталась съ караульными и пошла обратно. Сосѣди спросили у ней: «Гдѣ мужъ!» Она отвѣтила: «Видѣли же, какъ онъ поѣхалъ на солнце на оленѣ.»

Солнце, поднявшись на верхъ, зятя представило своей женѣ. Теща, увидавъ зятя, изумилась, хотя и рада была его видѣть. Поговорили они о дочери, а потомъ солнце сказало зятю: «Завтра утромъ поѣзжай ты кругомъ земли и сперва гони на медвѣдѣ, въ полдень замѣни его оленемъ—быкомъ, а вечеромъ и этого перемѣни на оленя—важенку.»

Съ наступленіемъ утра къ зятю явился медвѣдъ. Онъ сѣлъ на него и поѣхалъ. Около полудня медвѣдъ умеръ, и къ нему явился въ полдень быкъ—олень. Онъ сѣлъ и поѣхалъ, и увидѣлъ на доскѣ изображеніе человѣка. Картину эту онъ толкнулъ въ сторону и сказалъ: У меня былъ одинъ теленокъ, того не сохранилъ, а далъ на съѣденіе волкамъ; не стой и здѣсь на дорогѣ самъ. Поѣхалъ далѣе, и у него олень былъ умеръ. Наступилъ вечеръ и къ нему пришелъ олень—важенка. Онъ сѣлъ на него, поѣхалъ и пріѣхалъ обратно на солнце. На другое утро солнце

ему сказало: Сегодня ты останься здѣсь съ тещею, а я поѣду кругомъ земли. Солнце путешествовало на медвѣдѣ до полудня и увидѣло, что лежитъ мертвый медвѣдѣ; поѣхало далѣе, увидѣло изображеніе въ сторонѣ и оленя быка мертвымъ, удивилось всему этому и не знало, почему это сдѣлалось.

Теща съ зятемъ въ это время переговорили обо всемъ, и теща узнавъ, что онъ толкнулъ изображеніе во время объѣзда кругомъ земли, очень сожалѣла.

Солнце, возвратившись, спросило зятя о мертвыхъ животныхъ и объ изображеніи. Зять отвѣтилъ, что они сами умерли, а про изображеніе сказалъ тоже, что и ранѣе. Солнце дало ему совѣтъ: болѣе этого не дѣлать и съ животными обходиться ласковѣе. На третій день солнце и жена его простились съ зятемъ, опустили его на землю и дали всякаго добра много-премного. Мужъ привезъ его на нѣсколькихъ возахъ и зажилъ съ женою послѣ этого на славу и удивленіе всѣмъ.

Вотъ поэтому-то и теперь Лопари, когда кто у нихъ изъ взрослыхъ умретъ, сейчасъ у хозяина продаютъ оленя и деньги отдають за погребеніе и на свѣчи. Олень на эти предметы поступаетъ потому, что и по смерти умершій, по мнѣнію Лопарей, будетъ непременно ѣздить на оленяхъ. Если же на эти предметы не дать оленя, это значитъ приговорить его къ тому, чтобы онъ въ загробной жизни ходилъ пѣшкомъ.

(Записана при переводчикѣ, со словъ Василя и Марьи Летовыхъ и Марьи Герасимовой).

2) Лескъ агка—вдова старуха.

Нѣкогда жила-была одна Лопарка вдова—старуха, да съ нею жила въ вежи еще лягушка. У вдовы былъ сынъ, а у лягушки дочь—самка. Лягушка очень любила вдовкина сына и однажды ночью его взяла у вдовы, а къ ней положила свою дочь. Съ чужимъ сыномъ она убѣжала далеко, далеко. Старуха, проснувшись, увидѣла, что подлѣ ней лежитъ *нйидъ*—дочь лягушки, а сына и лягушки нѣтъ. На старуху напало горе, и она хотѣла убить дочь лягушки, но вспомнила, что одной будетъ скучно, и оставила при себѣ въ ожиданіи счастья въ будущемъ.

Лягушка-бѣглянка устроилась около одного озера въ густомъ лѣсу, чтобы ее не могла найти вдова. Украденный сынъ выросъ очень скоро, но о своей матери не вспоминалъ, потому что ея не помнилъ. Лягушку признавалъ своею матерью. Лягушка его любила также очень. На день всегда онъ уходилъ въ лѣсъ на охоту и вечеромъ всегда возвращался или съ мясомъ дикихъ оленей, или со шкурами дикихъ звѣрей. Изъ шкуръ звѣрей онъ устроилъ себѣ и вежу, и жить ему стало лучше. По временамъ однако находила на него скука, потому что сердце рвалось къ подобному ему человѣку. Разъ онъ ушелъ на охоту далеко и пришелъ къ вежѣ, изъ которой дымъ поднимался въ верхъ. Ему захотѣлось узнать, кто это тутъ живетъ. Показаться самому ему однако не хотѣлось; поэтому въ вежу онъ не пошелъ, а тихонько поднялся на верхъ вежи и сталъ смотрѣть въ трубу, или въ окно, которымъ выходитъ дымъ. Въ сторонѣ, недалеко отъ огня, онъ увидѣлъ, что сидитъ старуха и подлѣ нея *ацекъ нйидъ*—лягушкина дѣвка. Надъ огнемъ висѣлъ котелъ и варилась сосновая каша. Охотникъ съжалился надъ старухою и незамѣтно опустилъ кусокъ пойдъ—мясного жиру.

Ацекъ нйидъ однако замѣтила это и сказала: «Агка, агка (бабушка, бабушка), смотри-ка въ котелъ: кто-то сверху опустилъ туда кусокъ сала, звѣзды плавають по верху.»

«Не смѣйся, проказница! было-бы у меня теперь и сало и мясо, если-бы твоя мать *ацекъ* не украла у меня кормильца-сына. На той правдѣ, быть можетъ, лопнетъ отъ жиру.»

Охотникъ, услышавъ этотъ разговоръ, постарался незамѣтно скрыться. Черезъ нѣсколько времени опять ему захотѣлось посмотрѣть старуху. Онъ пришелъ къ вежи и увидѣлъ, что сосны варится менѣе, чѣмъ и въ первый разъ. Онъ опять

опустилъ кусокъ мяса. *Ацекъ нійдъ* опять замѣтила первая и сказала: *Аика, аика*, намъ опять въ котелъ положили мяса.

«Ну, не привелось ѣсть промысла сыновняго, за то нашлись чужіе люди и тѣ пожалѣли моей бѣдности.» Охотнику хотя и хотѣлось зайти въ вежу, но и на этотъ разъ онъ ушелъ незамѣтно.

Возвратясь къ *ацекъ*, онъ сталъ думать: тамъ, вѣрно, живетъ моя мать—*му яина*, потому что мнѣ хочется быть тамъ постоянно. Хотя и рѣдко туда хожу, но мысли мои постоянно вертятся около старухи.

Съ наступленіемъ утра онъ пошелъ промыслять дикихъ оленей и лишь только убилъ одного, опять пошелъ по извѣстной ему тропинкѣ къ вежѣ. На этотъ разъ онъ зашелъ въ вежу и сказалъ: *тирзуу, аика* (здравствуй, старушка).

Тирзъ ву—тирзъ ву, му нуратый (здравствуй, мой кормилецъ). Садись и разскажи, откуда ты пришелъ и гдѣ живешь?

Живу я отсюда не очень далеко съ *ацекъ*. Сегодня былъ на охотѣ и убилъ одного оленя. Вотъ и тебѣ принесъ кусокъ мяса. Приготовь его, и я закушу вмѣстѣ съ тобою.

Спасибъ, му нуратый. У меня варится сосна, но положимъ туда и мясо, тогда каша будетъ славная.

Въ ожиданіи закуски старуха разсказала ему о своемъ житьѣ-бытьѣ и, какъ у ней *ацекъ* украла сына, и она осталась съ ея *ацекъ нійдъ*. Охотникъ, выслушавъ ея разсказъ, сказалъ, что онъ давно живетъ у *ацекъ*, съ малыхъ лѣтъ и родителей своихъ не помнитъ. Старуха, услышавъ это, сказала: «Ты, кормилецъ, мой сынъ, теперь я узнаю тебя.» Старуха обрадовалась, бросилась къ нему и прижала къ своему сердцу. Въ это время обѣдъ подоспѣлъ, и они закусили. *Нійдъ ацекъ* послѣ сытнаго обѣда заснула, и сынъ съ матерью тогда условились, какъ имъ опять сойтись на житье вмѣстѣ. Сынъ въ это время предложилъ убить *нійдъ ацекъ* немедленно, но она отвѣтила: «Оставимъ до другого разу. Мнѣ одной, какъ ты уйдешь, жить будетъ скучно.» Сынъ вскорѣ простился съ матерью и сказалъ, что за ней скоро пріѣдетъ на оленяхъ. Возвратясь къ *ацекъ*, онъ сказалъ ей: «Мнѣ жить стало скучно, позволь жениться, я нашелъ себѣ и невѣсту.» Она немного постарше меня, но мнѣ понравилась. *Ацекъ* это не понравилось, но, когда онъ сказалъ: «если не позволишь жениться, тогда я болѣе съ охоты не возвращусь», она этого испугалась и позволила жениться.

Вскорѣ онъ за невѣстой, или вѣрнѣе, за своей матерью, поѣхалъ на оленяхъ.

Старуха, увидя своего сына, обрадовалась. Поздоровавшись съ сыномъ, старуха уложила все свое добро въ кережи. *Ацекъ нійдъ* старуха также взяла въ руки, какъ-бы желая отнести въ кережу, но немедленно положила ее въ горячій пепелъ, гдѣ она и сгорѣла. Мать свою сынъ посадилъ въ кережу, закрылъ ее пясью и далъ въ руки ей *скобель*, сказавъ: «Когда мы пріѣдемъ, насъ встрѣтитъ *ацекъ*. Она по пріѣздѣ будетъ поднимать тебя изъ кережи, и ты сейчасъ-же ударь *скобелью*, и она помретъ». Сказавъ это, сынъ сѣлъ на кережу и погналъ оленей къ своему жительствоу.

Скоро они и пріѣхали. *Ацекъ* выбѣжала на встрѣчу и хотѣла невѣсту поднять. Старуха, какъ сказалъ ей сынъ, ударила *ацекъ* *скобелью*, и она пропала. Сынъ съ матерью зашелъ въ вежу, и радости ихъ не было конца. На другой день сынъ вспомнилъ уже объ убитой лягушкѣ—*ацекъ*. Онъ пошелъ и досталъ лошадь. Убитую *ацекъ* привязалъ ко хвосту лошади и прогналъ ее прочь отъ своего жилья. Лошадь съ лягушкой понеслась, какъ стрѣла. И вотъ, гдѣ отпала голова лягушки, тутъ образовался красный мягкій мохъ, по лопарски *сяхтаръ*, употребляемый Лопарями на подстилку маленькимъ дѣтямъ въ зыбки, а гдѣ отпали лапы—ноги, тутъ образовался черный мохъ—*сомшитъ*, употребляемый при дѣланіи карбасовъ. Сынъ послѣ этого зажилъ съ матерью, радуясь своему счастью и что избѣгли своихъ враговъ.

(Окончаніе будетъ).